

Совесьть и истина

В.Ш. Сабиров

Всегда ли совесть безошибочна и есть проявление некоего объективного закона? В данной статье обосновывается тезис о том, что на феноменальном уровне возможны отклонения совести от истины, а в онтологическом плане она укоренена в истине, но не всегда это может получить соответствующей объективации.

Ключевые слова: совесть, истина, аберрации совести, онтология совести, ночная и дневная совесть, преступление, преступник, жертва, страдание, вина, судьба.

1. Введение

Как это ни странно, но совесть как одна из центральных категорий и проблем этики не получила фундаментального и всестороннего теоретического осмысления ни в истории этических учений, ни в современной философии морали. В данной статье предпринята попытка анализа одного из аспектов этой проблемы.

«Совесть как психологический феномен сознания может, конечно, иметь самый различный характер. Это может быть спонтанное чувство, подсказывающее действия в каждодневной обыденной ситуации, и сознание необходимости переустройства социального мира, это может быть чувствительность к человеческому страданию и понимание того, что подлинно моральное действие находится в непримиримом конфликте с существующим порядком вещей. Все зависит от условий места и времени, особенностей того или иного человека и той проблемы, которую ему приходится решать в данном случае. Но так или иначе, совесть по своему реальному содержанию (даже если сам человек почти этого не осознает) есть «открытость» индивидуального сознания по отношению к окружающему миру, его проблемам, требованиям времени, перспективам развития человеческого общества» [5, С. 498-499]. Трудно не согласиться с этим высказыванием известного отечественного этика. Действительно, совесть есть свойство именно индивидуального сознания, бесконечно варьирующееся в своих психологических проявлениях. Верно также и то, что благодаря совести человек открыт миру, другим людям, Богу. Однако было бы ошибочно трактовать совесть как сугубо психический феномен, сводя его тем самым к многообразию переживаний людей, совершающих нравственные или безнравственные поступки. Совесть есть явление более глубокое, что и обуславливает трудность его изучения.

«Проблема совести в истории этической мысли нового времени послужила поводом к возникновению следующей антиномии. 1. Совесть индивида является наилучшим судьей в вопросах морали, высшей способностью нахождения моральной истины и выработки самого правильного решения, представляет собой подлинно нравственную точку зрения, тогда как подчинение внешнему авторитету в любых его формах аморально или выходит за рамки нравственности. 2. совесть – всего лишь субъективная точка зрения, в которую индивид может вложить какое угодно содержание, выдать зло за добро, свой порок за добродетель, причем будучи глубоко убежденным в своей правоте. В немецкой классической философии наиболее последовательными защитниками первой точки зрения были Кант и Фихте, второй – Гегель» [5, С. 489]. В данной *антиномии* схвачена серьезная этическая проблема: является ли совесть объективным и беспристрастным критерием нравственного поступка, или же она целиком находится во власти субъективного произвола? И то, что в решении этой проблемы возникли полярные точки зрения, неудивительно. Дело в том, что, как и любое явление

духовно-нравственного порядка, совесть может принимать различные социокультурные обличья, зачастую гипертрофирующие, а то и прямо искажающие ее собственно этическое содержание. Возможны разные формы абберационной совести [8].

2. Абберации совести

Одним из вариантов абберационной совести является *гипертрофированное восприятие социальной несправедливости или страдания людей с узурпацией права на суд и возмездие*, которое необычайно глубоко и достоверно показал Ф.М. Достоевский в образах Р. Раскольников и Ивана Карамазова. Раскольников совершает убийство старухи-процентщицы не столько из-за своей удручающей нищеты, сколько из-за идеи, по его мнению, восстанавливающей справедливость на земле: «Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, — и все это на ее деньги. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье тысячами добрых дел? За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна. Она чужую жизнь заедает...»[1, С. 54]. Раскольников полагает, что для реализации благородной идеи вполне допустима кровь «по совести». «Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь, — смотря, впрочем, по идее и по размерам ее, — это заметьте. В этом только смысле я и говорю в моей статье об их праве на преступление»[1, С. 200]. В идее «крови по совести», по существу, также обнаруживается абберация нравственных переживаний человека, демонстрирующая не столько социально-этическое искажение его представлений о себе и своем месте в мире, сколько предельно гипертрофированное устремление подняться над всеми и вся «любой ценой», навязав им свою систему оценок и ценностей. В этом смысле «кровь по совести» есть ничто иное как монополия особого социального типа (в терминологии Ф. Ницше - сверхчеловека) судить и наказывать, карать и миловать, утверждать «право на преступление» для избранных и покорное принятие своего жребия для «толпы». Однако, насколько мы можем судить на основании гениальных романов Ф. М. Достоевского, предвосхитившего многие явления современной социальной жизни, большая манией духовного мессианизма совесть «сверхчеловека», по сути дела, оборачивается против него самого, его «идей» и жизненных ценностей. Жизненный крах здесь неминуем, и его последствия, как правило, оказываются глубоко драматическими, если человек вовремя не остановится в своих притязаниях на исключительность своей «совести» и ее «праве» на предопределение чужих судеб и поступков. Здесь мы наблюдаем не только расхождение совести с истиной, но и со справедливостью, ради восстановления которой, казалось, бы и было совершено данное преступление.

Факт существования извращений совести отнюдь не отменяет ее как таковую, а, напротив, лишь подчеркивает ее действительность и действенность. Драматические коллизии действия совести дают основание утверждать, что в ней обнаруживается некая онтологическая глубина, не только психологическое, феноменологическое или антропологическое, но и бытийное содержание.

3. Онтологический аспект совести.

Мы впервые в этической литературе обратили внимание на то, что совесть человека обнаруживает различное действие природных циклов[9]. В данном случае речь идет о том, что самочувствие совести может разительно отличаться в зависимости от природных ритмов бытия, т.е. дня и ночи. Днем, как правило, в суете будней, в общении с разными людьми, при решении профессиональных или житейских проблем человеку, имеющему в прошлом какой-то тяжкий моральный проступок или даже преступление, нет возможности вести диалог со своей собственной совестью. Он даже забывает об ее существовании. Окружающие, не знающие и не догадывающиеся о тайной стороне его жизни, воспринимают его позитивно, и общение между ними носит конструктивный и жизнеутверждающий характер. Однако, стоит такому человеку остаться наедине, тем более под покровом ночи, как пробуждается неумолимый суд совести:

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят, в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю [7, С. 137].

Именно в космических ритмах бытия, в частности, в чередовании разного времени суток — дня и ночи, действие которых ощущается человеком наиболее сильно, вплоть до персонификации самых сокровенных его переживаний в образах жертв его проступков и преступлений, проявляется онтологичность совести. Тем не менее, было бы ошибочным считать, что совесть преступника спит днем и пробуждается ночью. В действительности дневное и ночное бытие совести гораздо сложнее. Иногда совесть настигает человека днем, но не всегда в виде переживаний.

Оказавшись наедине со своей совестью именно ночью, человек несомненно получает доступ в потайные комнаты духа, проще говоря, в некие особые зоны сознания, недоступные и чуждые обыденным дневным впечатлениям. Именно поэтому *в ночи* особенно сильно действие катарсически-покаянных движений души, преобразующих весь духовно-душевный состав человека. По сути дела, в ночи все тайны становятся явными, а сокровенное — откровенным; другое дело, что эти глубинные переживания, не будучи закрепленными и оформленными дневным словом и делом, способны исчезнуть, как тень отца Гамлета, потревоженная криком петуха. Поэтому, дабы стать Истиной в самом глубоком и точном значении этого слова, *ночная совесть* требует особого дневного *события*, настолько же мистериального, насколько и интимно-личного, приходящего к человеку как бы извне и «со стороны» и тем не менее сразу и безоговорочно получающего доступ в «святая святых» его личности.

Оговоримся сразу: речь здесь идет не о банальных «угрызениях» совести, достаточно хорошо знакомым всем и каждому как *припоминание* о некогда содеянном, но так и неискупленном; но именно об явлении человеку неких персонифицированных образов совершенных им злодеяний, грозных выходцев из иных миров, призрачных и вместе с тем паразитически реальных, как описанные в одноименной трагедии Шекспира возникающие

перед преступником Макбетом видения убитых им короля Дункана, Банко и других шотландских лордов.

Прекрасно сохранившиеся в народной памяти в виде сказок, легенд и преданий, эти странные явления дневной Немезиды-совести были мало интересны представителям философии морали, но зато их не могли обойти вниманием великие художники слова и, в частности, Ф.М. Достоевский. Пытаясь определить своеобразие своего художественного творчества («Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т.е. изображаю все глубины души человеческой»)[4, С. 65], Достоевский по существу увидел в себе *духовного реалиста* («реалиста в высшем смысле»), открывающего человеку предельную полноту правды о нем самом и в этом смысле не чуждую никаким, пусть даже самым фантастическим странностям и парадоксам. Именно поэтому писатель не мог не обратить внимания на особые события, нередко встречающиеся в жизни нераскаившихся злодеев или преступников, не желающих, а, возможно, уже и не могущих исцелить свою больную совесть в исповедальном диалоге. Вспомним, к примеру, как по рассказам одного из героев «Преступления и наказания», шулеру, убийце, развратнику и вообще откровенному негодяю Свидригайлову вопреки всем обстоятельства естественным и сверхъестественным... именно *днем*, причем в совершенно заурядной обстановке *являются* убитая им жена и запоротый по его приказу лакей; а Ставрогину, трагическому персонажу «Бесов», - жестоко оскорбленная им девочка-подросток, чей гневный жест¹ справедливо воспринимается им как предвестие неминуемости предстоящей кары. Знаменательно, что Свидригайлов, несмотря на всю свою духовно-нравственную помраченность, будучи довольно неглупым человеком, определяет свое состояние как особого рода *болезнь*, заключающуюся в некой рассогласованности онтологических структур его сознания². Традиционно *ночное* и прикровенное здесь становится *дневным* и, так сказать, до назойливости общедоступным, и эта «пограничность» нового страшного бытия человека есть одновременно и свидетельство его Богооставленности, и грозная реальность его неискупленной совести, знаменующей близость трагического исхода жизни личности.

После выхода в свет нашей статьи в прессе появилось несколько материалов, прекрасно иллюстрирующих ее основные положения. Приведем полностью материал, опубликованный в газете «Комсомольская правда»:

«История эта завертелась еще в 2007 году, когда перебравшийся в Мурманск житель Карелии Михаил Блыжков убил своего напарника по работе.

На севере он оказался совершенно случайно. Подсел на одной из карельских дорог в машину к дальнбойщику, который направлялся в заполярную столицу. Тот предложил поработать на принадлежавшей ему стоянке. Пассажиру терять было нечего (он только что освободился из тюрьмы), поэтому согласился, не раздумывая.

Блыжков и второй охранник автостоянки - такой же полубомж - делили одно жилье на двоих и, как водится, выпивали. Однажды мурманчанин несправедливо обвинил карельского гостя в краже 1000 рублей. Блыжков обиделся и ударил напарника киркой по голове! Не убил, но травму нанес серьезную...

- В больнице пострадавший оказался лишь спустя некоторое время, - рассказывает помощник прокурора Первомайского округа Валерия Гречушник. - Он ничего не помнил и был уверен, что пьяным стукнулся головой о ворота.

А через несколько дней мурманчанин скончался в больнице. В тот момент никто даже

¹В романе Матреша, *являясь* после самоубийства Ставрогину, грозит ему высоко поднятым кулачком.

²Вот как рассуждает об этом сам Свидригайлов: «Привидения — это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку ... их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек. (...) Ну, а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем соприкосновений с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир» [1, С. 237].

не заподозрил, что речь шла об убийстве. Тем более, что Блыжков признаваться не спешил и сбежал в Кировск.

Однако 5 лет спустя убийца сам пришел в полицию и написал явку с повинной. Мол, сны замучили да жертва по ночам является! Заодно признался еще в двух убийствах: в Карелии и на Кавказе.

- Я хочу испытать всю боль, которую чувствовали убитые и их родственники, - заявил он полицейским.

Блыжков проявил редкую настойчивость, чтобы его признали виновным.

- Он так настаивал на этом, что мы даже засомневались в его вменяемости. Но экспертиза подтвердила, что обвиняемый абсолютно нормален, - замечает Валерия Гречушник.

Мужчина получил 23 года лишения свободы. Но собирается обжаловать приговор как слишком мягкий. Хочет провести в тюрьме всю жизнь»[6].

Тот факт, что далеко не все преступники являются с повинной, делают добровольное признание в содеянном и готовы в полной мере искупить свои преступления, отнюдь не означает, что они никогда не испытывали, не испытывают и не испытают такого рода переживаний и видений. Это, во-первых. Во-вторых, если бы, действительно, все преступники шли в правоохранительные органы с повинной, то сам феномен преступления можно было трактовать как дело сугубо личной ответственности. Между тем, любое преступление есть сложный социальный, социально-психологический, нравственный и духовный феномен, свидетельствующий не только о личной вине человека, поправшего правовые и моральные нормы. «Если же злодейство людей возмутит тебя негодованием и скорбью уже необоримую, даже до желания отмщения злодеям, - поучал старец Зосима из “Братьев Карамазовых”, - то более всего страшись сего чувства; тотчас же иди и ищи себе мук так, как бы сам был виновен в сем злодействе людей. Приими сии муки и вытерпи, и утолится сердце твое, и поймешь, что и сам виновен, ибо мог светить злодеям даже как единый безгрешный и не светил. Если бы светил, то светом своим озарил бы и другим путь, и тот, который совершил злодейство, может быть, не совершил бы его при свете твоём»[3, С. 201-202]. Чувство личной вины перед лицом чужих злодейств есть показатель нравственного величия и подлинной праведности человека. Следовательно, если в мире совершаются злодейства и преступления, нельзя считать себя непричастным к ним, нельзя отделять себя от зла мира. В этой связи рост преступности и главное – все увеличивающаяся жестокость и цинизм их совершения, нужно расценивать не только и не столько как показатель развращенности современных преступников, сколько как свидетельство моральной пассивности и вопиющего равнодушия обычных, так называемых, порядочных людей, лично непричастных непосредственно к чужим преступлениям, но опосредованно, собственным безразличием невольно соучаствующих в общем негативном процессе духовно-нравственного распада социума. Неслыханные, ужасные преступления, совершаемые другими людьми, как бы кричат нам о нашем собственном несовершенстве, об отчуждении от высшей истины. В этом контексте понятны слова А. Швейцера: «Чистая совесть есть изобретение дьявола»[10, С. 223].

Таким образом, можно констатировать, что на феноменальном уровне совесть может расходиться с истиной, порождая разные варианты и формы своей аберрации, детерминированные определенными социокультурными факторами. На онтологическом уровне совесть глубоко укоренена в истину, однако далеко не всегда может актуализироваться в своем предметном виде как неумолимый закон жизни. Все это делает феномен совести загадочным и трудно уловимым для теоретического осмысления.

Литература:

1. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание// Полн.собр.соч. : в 30 т. Т. 7. Л., 1970, С. 237.
2. Достоевский Ф.М. Бесы. /// Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч. Т. 11. Л. , 1974.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-ти томах. Т. 14. Л. 1976.
4. Достоевский Ф.М. Из записной тетради 1880-1881 гг.// Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: в 30 т. Т. 27. Л., 1986.
5. Дробницкий О.Г. Проблема совести в моральной философии // Дробницкий О.Г. Моральная философия. Избранные труды. М., 2002.
6. Комсомольская правда от 15 февраля 2013 года.
7. Пушкин А.С. Воспоминание // Пушкин А.С. Собр. Соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1975.
8. Сабиров В.Ш., Соина О.С. Этика и нравственная жизнь человека. С-Пб., Дмитрий Буланин. 2010. С. 382-390; Сабиров В.Ш. Соина О.С. Аберрации совести // Человек. 2010. № 3.
9. Соина О.С., Сабиров В.Ш. Онтология совести // Человек. 2012. № 5-6.
10. Швейцер А. Культура и этика // Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992.

Сабиров Владимир Шакирович

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории (630102, Новосибирск, ул. Кирова, 86), тел (913)-929-36-82, e-mail: sabirov-soina@211.ru

A conscience and truth

V.Sh. Sabirov

If the conscience is always infallible and there is a revelation of some objective law? This article substantiates the thesis that the phenomenal level possible deviations of conscience from the truth, and in ontological terms, it is rooted in truth, but not always it can get the corresponding explanation.

Key words: conscience, truth, an aberration of conscience, the ontology of conscience, night and day conscience, crime, criminal, victim, suffering, guilt, destiny.

